

ФАНТОМАТИКА С. ЛЕМА, ФЕНОМЕН ФАНТАЗИИ И ТВОРЧЕСТВО

Камин А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет,
кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения,
старший преподаватель

В статье рассматривается феномен фантазии как способ моделирования сознания. Целью работы является исследование учения С. Лема о фантазии как предпосылке конструирования фантазийного мира. Методология изучения фантазии основана на представлении о виртуальной реальности и технологиях её развития. Утверждается, что фантастика С. Лема раскрывает противоречие фантазии: фантазийный мир создаётся как «техника развлечения» или «нейротехнология» воздействия на мозг. Это развивает общее представление о возможностях конструирования виртуальной реальности.

Область знания о фантастическом конструировании реальности С. Лем называет фантастикой. Сейчас она рассматривается в контексте виртуальности. Фантастический подход предполагался С. Лемом как предтеча отрасли знания о моделировании сознания. Феномен фантазии формирует через фантастическое сознание особую виртуальную реальность. С её развитием связаны творческие достижения в разных сферах жизнедеятельности человека – культуре, науке, технике и пр. Формирование фантазии и активное воображение создают возможности взаимодействия с виртуальной реальностью посредством фантастического мышления. Что требует регулярного обращения к образно-метафорическим способам познания, творчества и коммуникации.

Ключевые слова: фантастика, феномен фантазии, фантастика, фантастическая реальность, конструирование, фантастическое мышление, активное воображение.

Исторический контекст

Данная статья посвящена фантастическому подходу С. Лема к феномену фантазии. Работа С. Лема публикуется в 1962 году. До середины 50-х годов в СССР такие научные направления, как психология, генетика и кибернетика, о которых идёт в ней речь, критикуются как буржуазные «лженауки». В конце 50-х начнется их постепенная реабилитация. Самостоятельные психологические факультеты на базе отделений психологии при факультетах философии вновь откроются в советских ВУЗах в 1966 году. Название работы «Сумма технологий» напоминает «Суммы теологии» Фомы Аквинского. Адресована она новому направлению футурологии. Тогда интерес к футурологии был крайне высок. Практически одновременно, в 1962 году, выходят научно-популярная монография советского астрофизика И. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум» и научно-художественное исследование английского писателя А. Кларка «Черты будущего».

Первый перевод на русский язык выйдет в 1968 году. В предисловии С. Лем пишет: «Многим – а зачастую и всем – я обязан целому кругу авторов, но особое место я отвожу проф. И.С. Шкловскому, поскольку его

монография оказалась одной из ключевых для «Суммы», которая без неё вообще не могла быть написана в нынешнем виде» [11]. Полный текст без цензурных лакун станет доступен российскому читателю в 1996 году. За прошедшие десятилетия темы, поднятые в работе С. Лема, не устарели. Ему посчастливилось увидеть, как его идеи из вопросов научной фантастики перешли в разряд активно разрабатываемых и реализуемых научных проблем. С. Лем, врач по образованию, успел побывать прозаиком, литературоведом, выдающимся футурологом и философом. Он был действительным членом Польской академии наук, почётным доктором Вузов Польши, России, Германии и других крупных университетов мира. Он являлся автором оригинальных философских концепций и новых научных направлений: интеллектроники, астроинженерии, фантомологии и фантоматики.

Обзор места фантоматического подхода среди других философских подходов к виртуальной реальности

Фантоматикой С. Лем называет раздел области знания о моделировании реальности. В главе о фантомологии, которую он определяет как науку об иллюзиях, он ставит вопрос: «можно ли создать искусственную действительность, во всех отношениях подобную подлинной и совершенно от нее неотличимую?» [11] Термин фантоматика близок к современному понятию «виртуальная реальность», возникшему в англоязычной литературе. Философы, технологи, теологи, психологи, социологи, писатели и художники представляли своё видение не только виртуальности, но и связанного с ним феномена фантастического и фантазии.

В 1938 г. Антонен Арто описывал театр как *la realite virtuelle* (в английском переводе «virtual reality») [19], то есть «с одной стороны, как мир, где движутся персонажи, предметы и образы, а с другой стороны мир чисто предположительный и иллюзорный» [2]. Можно считать рядоположенными две концепции виртуальности: А. Арто и С. Лема. С. Лем считал, что фантоматика применима в области культуры. Одним из применений фантоматики он видит своеобразный «фантоматический театр». Он сравнивает «фантоматический спектакль» с иммерсивным театральным представлением: «фантоматика является искусством с обратной связью. Можно, разумеется, нанять артистов, одеть их в костюмы придворных XVII века, а себя – в костюм французского короля той эпохи и с этими артистами в соответствующей обстановке (например, в арендованном старинном замке) разыгрывать свое «царствование на троне Бурбонов». Такая игра не была бы даже примитивной фантоматикой хотя бы уже потому, что из нее можно легко выйти. Фантоматика предполагает создание такой ситуации, когда никаких «выходов» из созданного фиктивного мира в реальную действительность нет» [11]. С. Лем приближается в своём видении «техники развлечений» к более глубокому пониманию А. Арто театра как отдельной самозамкнутой фантазийной реальности – прообраза как виртуалистики,

так и фантазийной реальности – мира иллюзий. В этом понимании фантазии человек может жить и действовать отдельной жизнью. Он может его конструировать по своему желанию без совпадения с действительностью.

Более широкая категория виртуальности использовалась в античной философии, схоластике и философии Нового времени, пройдя через всю историю философской мысли. Фома Аквинский использует категорию виртуальности для решения вопроса существования в человеке иных форм души помимо мыслительной [6]. Аналогию с этим можно обнаружить у С. Лема в разделе о телетаксии и фантопликации. Он размышляет о потенциально возможном смещении сознания человека, к которому зрителем подключается другой в процессе фантопликации.

Подход Лема правомерно рассматривать среди других подходов к проблеме виртуальной реальности. «В современном философском знании сложились несколько подходов к толкованию виртуальной реальности. Во-первых, виртуальная реальность – иллюзорная, порожденная компьютерными технологиями реальность (Дж. Ланке, АИ. Воронов). Во-вторых, это субъективная реальность, генерируемая интеллектуальными способностями человека, силой его собственного сознания (И.Г. Корсиканцев, Е.В. Королевская). В-третьих, виртуальность – бытие особого рода, перевоплощенное, нереализованное бытие (В.В. Афанасьева, С.С. Хоружий). В-четвертых, виртуальная реальность – особое психологическое состояние, часть психологической реальности человека (Н.А. Носов, С.А. Борчиков). В-пятых, виртуальная реальность есть способ отчуждения человека, в процессе диалога сознания и машины от собственной плоти (А. Крокер, М. Вейнстейн)» [16].

На некоторых хотелось бы остановиться подробнее в связи с особым отношением к феномену фантазии. Е.В. Ковалевская виртуальную реальность рассматривает как третий компонент, после субъективного и объективного: «примером такой реальности являются фантазии, сновидения, различные симуляции реальности» [16].

И.Г. Корсунцев постулирует подход к виртуальной реальности, не созданной с помощью технических средств, а генерируемой сознанием человека. Он определяет такую реальность как результат переработки бытия субъектом с позиции присущей ему логики [8]. Он отмечает способность человека генерировать виртуальное пространство посредством своих мыслительных способностей, выступать творцом реальности.

Родоначальник отечественной виртуалистики Н.А. Носов предполагает, что существует множество «онтологически равноправных реальностей, вопрос об истинности которых в рамках данного конкретного направления философии не задается» [13]. С. Лем «не уверен, что такие иллюзии можно считать только иллюзиями (в концепции полионтичности Н.А. Носова виртуальная реальность – это не иллюзия, а именно реальность, обладающая онтологическим статусом) [14]. Фантоматика «является как бы преддверием к настоящей технологии созидания» [18]. В рамках полионтичности

виртуальные объекты генерируются объектами нижестоящего уровня. Несмотря на статус «порождённых», виртуальные объекты взаимодействуют с порождающей их реальностью как равноправные: «Совокупность виртуальных объектов относительно порождающей реальности и образует виртуальную реальность» [14, с. 157]. С. Лем описывает фантоматические технологии как многоуровневые: «Неоспоримо, что «вхождение» в фантоматический спектакль можно превосходно замаскировать. Предположим, что... человек приходит в фантомат и заказывает экскурсию... после чего человек «пробуждается», то есть спектакль окончен, техник... снимает с клиента электроды и вежливо с ним прощается. Клиента провожают до дверей, он выходит на улицу и вдруг оказывается в центре ужасного катаклизма... «Пробуждение», снятие электродов, выход из фантомата – все это *также* входило в спектакль, который начался с невинной экскурсии» [11].

Г. Рейнгольд изучает виртуальность с точки зрения неуклонно сужающихся общественных пространств современного человека. Фантазия пользователя Интернета и порождаемые им виртуальные пространства понимаются как своего рода фантастическое общественное пространство.

Фантазия рассматривается с позиции коммуникативного подхода. Г.М. Маклюэн рассматривал средства коммуникации как способ расширения сознания. Он предсказал эволюцию средств коммуникации, «вершиной которых могут стать метавселенные как формы виртуальной реальности» [15].

Указанные подходы философии виртуальной реальности расширяют представления С. Лема о феномене фантазии:

- а) новые технологии создают новые измерения культуры и общества, одновременно порождающие проблемы, требующие повышенного внимания;
- б) новые технологии являются по преимуществу фантазийными;
- в) фантазийные технологии развивают идеи множества возможных миров, изначально неопределённых и отдалённых от реального мира;
- г) продукты фантазии, связанные с изменёнными состояниями сознания (сновидениями, галлюцинациями и т. п.), приобретают новое значение.

Такая полифония свидетельствует, что для анализа фантазийной реальности и порождаемых феноменов используются модернистские категории социально-философского анализа. И.А. Акчуринов пишет: «Обретение понятием «виртуальная реальность» философского статуса было обусловлено осмыслением соотношения трех очевидных пространств бытия человека: мира мыслимого, мира видимого и мира объективного (внешнего)» [1]. Феномен фантазии возникает как промежуточная зона, которая опосредует переход от восприятия к мышлению. Здесь возникает зона творчества, которая оказывает непосредственное влияние на объективный мир.

В этом контексте становятся понятнее фантазийные эксперименты Лема, с такими идеями, как телепортация или фантопликация. Фантоматика не только обуславливает характер взаимодействия «человек-машина», которое уже не раз описано ранее. От внимания исследователей ускользает

проблема влияния фантастической реальности или фантоматики на личность человека, опасности злоупотребления фантоматикой. С. Лем расширяет представление о природе личности. Можно ли личность рассматривать как результат исключительно внешнего воздействия? Тогда всё тождество индивидуума сводится к точности воспроизводимых воспоминаний. С. Лем ставит вопрос, обладает ли личность субъектностью или, как пишет Лем, «подлинностью».

Основы фантоматики

С. Лем осмысляет ряд стоящих перед человеком и человечеством проблем. Одна из них: «можно ли рассматривать деятельность человека как имитацию или моделирование?» [11]. С позиций конструктивизма, человек моделирует реальные природные процессы, включая маловероятные. Причём маловероятные настолько, что до сих пор не встречавшиеся в природе.

С философской точки зрения, смысл конструктивизма – вариант универсалистского подхода к познанию. В нём синтезируются идеи современной математики, логики, естественных и гуманитарных наук. Конструктивизм – «направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений. Из этого следует, что в рамках философии вообще конструктивизм подчеркивает конструктивность всякой познавательной деятельности. И в этом смысле он выступает как альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологического реализма» [7]. Из определения конструктивизма вытекает, что фантоматика С. Лема полагается на его основе, осознанной много позднее.

Фантомология – область знания, изучающая иллюзии (и фантазии). Отношение С. Лема к фантазии стоит прокомментировать. Традиционно принято считать, что писатель-фантаст относится к воображению и фантазии позитивно. В подтверждение приводят цитату из романа «Фиаско», где С. Лем пишет: «Границы воображения лежат далеко за границами сотворения теорий» [12].

Эта фраза вырвана из контекста. Она не прямая речь автора. С. Лем озвучивает искусственный интеллект с символическим именем GOD. Полностью она звучит так: «Различные версии того, что я рассказал, существуют на борту, они высказывались приватно или открыто. Ни одной из них доказать нельзя. Границы воображения лежат далеко за границами сотворения теорий. Отдельные данные накапливались постепенно, как фрагменты головоломки. Пока их было немного, из них можно было сложить бесчисленное количество мозаик, заполняя разрывы и пустоты безосновательным вымыслом» [12]. Отношение к феномену фантазии критично. Критическое отношение характерно для настроений, преобладавших тогда в официальной идеологии научного сообщества стран социализма. В середине 60-х годов в психологии произойдёт «когнитивный поворот», который вернет феномен фантазии в фокус изучения не только

психоанализа, но и других наук. Можно предположить, что разговор о феномене фантазии в то время был возможен только через критику. Так же можно оценить высказывания С. Лема о психоанализе.

С. Лем сохраняет опасения относительно использования феномена фантазии и в 90-е. В эссе «Проблемы с фантоматикой» (1997) он характеризовал перспективы фантоматики: «Желанным пределом рассматриваемой здесь области физиотехнологии, очевидно, является, как я бы его назвал, «мир епископа Беркли», т. е. такой, в котором действительно *esse est percipere*: существовать – это то же самое, что «быть ощущаемым». От достижения такого совершенства, которое *nota bene* должно скрывать в себе еще не одну неизвестную нам пока ни из опыта, ни из предвидения опасность, мы еще очень далеки. Тем не менее сам путь, само начало дороги, ведущей в сторону этой, может, райской, а может, и адской «фантоматической ловушки», уже предсказан, опознан и даже – по крайней мере частично – опробован. Следует для себя осознать, что в нашем почти всюду охваченном рынком мире возникает, развивается и становится ценным именно то, что дает хорошие результаты производителю» [9].

Пределы фантоматики

Пределы конструктивизма разбираются в Фантомологии. С. Лем ставит вопрос, как «создать действительность, которая для разумных существ, живущих в ней, ничем не отличалась бы от нормальной действительности, но подчинялась бы другим законам?» [11]. Что приравнивается им к созданию новых миров. Для этого он задаётся частным вопросом: «Можно ли создать искусственную действительность, во всех отношениях подобную подлинной и совершенно от нее неотличимую?» [11]. В этом случае С. Лем считает, что речь идёт о создании совершенных иллюзий. Совершенные «иллюзии» обусловлены технологическим подходом к фантастическому конструированию реальности. С помощью технологии человек сможет имитировать деятельность органов чувств, отправляя стимулы сразу в мозг. Аналогичные эксперименты проводились на животных. Они описаны в фантастических произведениях в виде развлечения, своеобразного фантазийного кино и театра. Но не имеют отношения к фантоматическому театру. Они не являются фантоматикой, поскольку носят односторонний характер. Человек в них пассивен и программируем, в соответствии с классическими представлениями о личности. В фантоматике предлагается двусторонний характер взаимодействия с фантастической реальностью. Радикальное отличие фантоматической реальности иммерсивных театральных представлений – невозможность выхода. Как в сновидении, ложные пробуждения являются частью сновидения или иной фантастической реальности.

Фантоматическая машина

С. Лем описывает сложность создания и поддержания реалистичной обратной связи. Это потребует подключения мозга к специальным

периферическим устройствам «антиглаз» или к специальной электронно-вычислительной машине. Она будет использоваться для программирования возможных фантоматических ответов на произвольную активность зрителя-главного героя.

Сложное устройство машины не обязано равняться сложности всех действующих лиц, как и происходит во сне. Напрямую деятельностью мозга она не управляет, ограничиваясь конструированием сенсорных стимулов, как периферическая фантоматика.

Вопрос, можно ли распознать фиктивность фантоматического действия, аналогичен вопросу, который иногда задаёт сновидец. Правдоподобность сновидения обусловлена пониженной активностью мозга во сне. Спящий может принять сон за реальность, а бодрствующий не принимает реальность за сон. Для этого нужно особое изменённое или нарушенное состояние сознания.

Фантоматической машине придётся иметь дело с бодрствующим мозгом. Поможет ли это обнаружить подмену привычной реальности? В случае использования в качестве развлечения наличие чёткой границы между реальностью и фантоматическим спектаклем будет задачей организаторов во избежание возможных осложнений.

С гносеологической стороны вопрос обнаружения подмены реальности это не решает. Вход и выход могут быть замаскированы самим сюжетом фантоматического действия. Сложные фантоматические машины смогут имитировать биохимические изменения в теле, вроде усталости. В фантоматической симуляции «возможности человека отличить фантоматический спектакль от действительности зависят только от «фантоматического потенциала» машины» [11]. За счёт корректировки сюжета можно объяснять любые несовпадения со знакомыми Вам, но неизвестными постановщикам симуляции деталями вашего быта. Что делает фантоматический мир миром, где любое обращение за помощью даёт фантоматической машине новый материал для совершенствования иллюзии. Никакая цивилизация не может «полностью фантоматизироваться», потому что её существование будет ограничено продолжительностью жизни одного поколения.

Периферическая и центральная фантоматика

Предшественники фантоматики – уже известные способы воздействия на мозг периферических раздражителей. Это – «периферическая префантоматика». Раздражители, действующие на мозг непосредственно, – «центральная префантоматика». Периферическая префантоматика – это ритуалы доведения до изменённого или аффективно-суженного сознания в экстатических практиках. К центральной префантоматике относится потребление различных психоактивных веществ с той же целью.

По мнению С. Лема, психоаналитическое толкование префантоматических феноменов как проявления влечений Танатоса или

Эроса – метафора, являющаяся скорее тривиальной, чем научной истиной. При этом среди всех направлений психологии и философии только психоанализ в 60-е относился к фантазии с достаточной серьёзностью. «Активное воображение» был ведущим методом работы у К.Г. Юнга. Но отношение С. Лема к психоанализу вполне соответствует господствовавшей идеологической установке стран социализма.

Позже С. Лем описывает в монографии «Фантастика и футурология» при разборе романа «Убик» Ф. Дика особый тип «волевой» префантоматики. В нём «герой умеет переходить из нашего мира в другой, созданный его воображением, либо он просто подчиняет своим желаниям наш мир, который тогда оказывается не более чем иллюзией, разновидностью виртуального пространства» [5]. Представление о реальности в сочинениях других многочисленных авторов фантастических произведений (О. Хаксли «Двери восприятия», Р. Желязны «Хроники Амбера», В. Пелевин «Чапаев и Пустота», А. Лазарчук «Солдаты Вавилона») сходно с религиозным мировоззрением индуизма или буддизма. «Окружающий мир в такой ситуации выглядит иллюзией, «майей», говоря словами представителей восточных религий, или «сложнонаведенной галлюцинацией», если использовать термин братьев Стругацких» [5]. Существует ли истинная реальность или существуют только бесконечные иллюзии? «Фантоматика – если учитывать лишь ее функцию маскировки, иллюзии действительности – отличается такой специфической особенностью, что неизбежно устраняет различия между «лицом» и «маской» [10].

В прошлом религиозные и магические обряды и развлечения были взаимосвязаны. С. Лем называет фантоматику «техникой развлечения», в силу исторической связи. Им прогнозируется возможность «центральной фантоматики», то есть непосредственного возбуждения определённых центров мозга. При этом сохраняется риск морального осуждения подобных практик, как является сейчас осуждаемой биохимическая центральная префантоматика, связанная с употреблением психоактивных веществ.

Пределы фантоматики

С. Лем повторяет тезис: «Периферическая фантоматика – это введение человека в мир ситуаций, нереальность которых обнаружить невозможно» [11]. Фантоматикой легко злоупотребить для нарушения общественных норм морали. С. Лем предсказал дискуссии о том, в какой мере насилие в компьютерных играх способствует разрядке агрессивных импульсов и катарсису, либо наоборот провоцирует их повторение в реальности. Он решает этот вопрос, отрицая «право фантоматики на полную, как в сновидениях, свободу действий, действий, при которых лишь фантазия, а отнюдь не моральные устои ставила бы предел» [11]. От кибернетиков требуется встраивание в фантоматику цензуры, аналогичной «цензуре снов». У этой технической проблемы есть два неожиданных следствия:

1) Станет невозможной фантоматизация значительного числа художественных произведений, вплоть до детских сказок, из-за имеющихся в них элементов насилия.

2) Невозможно использовать периферическую фантоматику для формирования взглядов, суждений, убеждений или эмоций пользователя из-за индивидуального реагирования каждого человека на воздействия фантастической реальности.

Цереброматика

В разделе (е) обсуждаются последствия прямого воздействия для «изменения динамической структуры нейронной сети мозга» [11]. Современной науке уже известны изменения, которые происходят в личности человека при отключении определённых отделов мозга вследствие травм или операций. Однако «можно заставить человека отклониться от нормальной, обычной для него линии поведения, но не более того» [11]. Возможно деформировать старую личность, но не создать новую.

Периферическая фантоматика не может прямо воздействовать на фантазию, но может влиять, как обычная пропаганда. Особенно трудно при этом поколебать метафизические убеждения или верования. Они позволяют игнорировать поступающую извне «неправильную» информацию. И могут быть отнесены к феномену промежуточной зоны фантазии, как в примере с восточными религиями.

С. Лем задаётся вопросом о возможности создания «приставок» к личности, которые временно формировали те или иные навыки за счёт обратимых изменений. Сейчас, «если всё пойдёт хорошо, то в течение нескольких лет у сотен человек будет Neuralink, возможно, в течение 5 лет он будет у десятков тысяч, в течение 10 лет он будет у миллионов» [18].

Основной преградой к цереброматике С. Лему видятся этические проблемы, а не технология. Важно, чтобы цереброматика не превратилась в медленное убийство, незаметно уничтожающее старые личности с помощью подмены реальности фантазией. В ходе мысленного эксперимента можно представить цивилизацию, в которой разрешены такие операции в отношении преступников или психических больных. Что не снимает этических проблем, связанных с распадом и уничтожением старых личностей.

Личность и информация

В последующих разделах С. Лем моделирует мысленные эксперименты с такими процессами, не все из которых нашли научное воплощение. Это телетаксия и фантопликация, когда вместо виртуальной среды человека предполагалось подключать к посреднику, вроде дистанционного управляемого автомата, или даже мозгу другого человека. Другая группа явлений – это телепортация и гибернация (обратимая глубокая заморозка организма с полной остановкой всех жизненных процессов). Основной парадокс, который исследует С. Лем, – тождественна ли личность

информации. Он догадывается, что многие из этих экспериментов столь же умозрительны, как, например, «путешествие с бесконечно большой скоростью» [11]. Более того, природа уже поставила их на однойцевых близнецах.

Раз за разом С. Лем возвращается к точке зрения, что тождество личности определяется её происхождением, а не точностью воспроизведения информации, как в примере с близнецами. Нужно понимать, что в тот момент общепринятой являлась точка зрения о тождественности личности и информации. Достаточно вспомнить рассказ братьев Стругацких «Свечи перед пультом» 1961 года, входивший в цикл «Полдень. XXII век». В нём перенос сознания в машину описывается как копирование информации, содержащейся в мозге. Как при этом быть с феноменом фантазии и другими субъективными переживаниями?

В качестве иллюстрации возникающей онтологической проблемы С. Лем предлагает пример переноса сознания донора реципиенту, с последующей гибелью донора. Если в качестве критерия подлинности личности мы используем «непрерывность», то подлинным является донор, даже если он и погиб. Если подлинна «неизменность» информации личности, то – реципиент. Таким образом, онтологическая проблема тождества личности становится относительной, субъективной, зависящей от выбранных критериев.

Всё это наводит на мысль, что Лем использует попеременно два подхода к личности:

- классический, где личность оценивается как объект, который в одностороннем порядке определяется исключительно как результат воздействия внешней среды,

- второй (модернистский), где личность субъекта обладает со средой двусторонней связью, может, в свою очередь, на неё воздействовать и активно менять.

Лем игнорирует, что личность обладает самоорганизацией. То есть может воздействовать на саму себя. Хотя он признаёт существование у неё динамической структуры, предполагающей существование внутри личности иерархии различных подсистем. Что позволяло разрешить большинство озвученных парадоксов. Об этом С. Лем более подробно пишет в 5 главе, когда рассуждает о метафизическом конструировании, позволяющем в силу существования внутри личности метафизических структур или верований игнорировать воздействие поступающей информации.

С. Лем частично попытался разрешить эти парадоксы в своих фантастических произведениях. Он развил эту тему в «Фантастике и футурологии», обсуждая «волевою виртуальность». В произведении «Убик» герой Ф. Дика создаёт или разрушает мир вокруг себя только усилием воли. В отечественной литературе к этим космогоническим коллизиям регулярно возвращаются в своём творчестве В.О. Пелевин, А.Г. Лазарчук и ещё ряд авторов. Ближе к представлениям о префантаматике и виртуальной

реальности – творчество С. Лукьяненко. Эти авторы в художественной форме исследуют философские проблемы онтологического характера, к которым имеет отношение и одно из важнейших направлений философии – «субъективный идеализм». Главная проблема размышлений епископа Беркли или Д. Юма: «Существует ли наш мир на самом деле или он является только продуктом воображения?» [5]. Некоторые авторы приходят в итоге к идее множественности миров, где все создаваемые миры являются одинаково равнозначными, параллельными. Подобное восприятие мира характерное для восточной религиозности. Это мировоззрение критикуется С. Лемом как игнорирующее социальные проблемы, что ведёт не к прогрессу, а к застою и деградации.

Бытие человека, как оно понимается в философском знании, репрезентируется через внутреннее ментальное пространство образов, создаваемых воображением. Воображение как психический процесс отражается в деятельности ума в качестве его творческой силы. Фантазия является структурой, схватывающей продукты воображения в определённых формах, которые философия относит к внутреннему миру человека. В социокультурной практике фантазия ранее проявлялась благодаря созданию мифа как самостоятельной формы описания реальности. Мифологическое сознание было одной из первых моделей выхода человека из «пространства очевидностей». В мифе возможности феномена фантазии расширяются, объясняя, как актуальная реальность достигла своей реализации, а человек стал таким, какой он есть.

Фантазия в этом типе сознания играет творческую роль, позволяя с помощью эмоционального проживания мифологических образов придать им личностный смысл. Философия при своём возникновении многое восприняла от мифологического мышления. Сейчас фантастическое мышление, как мы видим на примере творчества С. Лема и его последователей, не есть нечто давно отжившее. Оно представляет собой диалектически необходимую категорию сознания и бытия вообще. Подобно мифу, фантастическое мышление порождает фантастическое сознание и фантастическую реальность.

В фантастическом сознании мы отличаем видимость от реальности. Для такого сознания мир наполнен значением, воспринимается в его подлинном присутствии. С помощью фантастического сознания формируется способность «удерживать сущность в явленности», формировать внутренние ментальные образы.

Если говорить о формировании в новейшее время понятия фантастической реальности в разграничении его от мифологической реальности, то их объединяют два первых признака:

1) мифологическая и фантастическая реальность – это такое осмысление действительности, которое не ставит, а снимает проблемы, благодаря готовности дать ответы на любые вопросы.

2) Это осмысление действительности в конкретно-чувственных образах, переживаемое эмоционально.

Если в мифологическом сознании происходит отрешение от частного смысла и воплощение в нём мифологического смысла, то фантастическое сознание, наоборот, даёт индивидуальные, субъективные объяснения, часто в отрыве от традиции. При этом наборы архетипических образов могут выглядеть как заимствование из традиции. Скорее всего, они имеют иной источник. Речь идёт о тех символах и образах, которые современный человек получает ещё в детском возрасте, когда он начинает своё знакомство с мифологией не с религии и обрядов, а с волшебных сказок и фантастики. Начинается превращение священного рассказа из духовного в художественный.

Различение касается отношения фантастического сознания ко времени. Мифологическое время носит вечный характер, события мифа происходят вне времени, но с ними можно соприкоснуться с помощью ритуала, что делал в своих практиках К.Г. Юнг. Фантастическое сознание сиюминутно. Эти качества помогают фантастическому мышлению не останавливаться в застое, а следовать прогрессу через непрерывное творчество.

Феномен фантазии изменяет старую реальность. Он, как особое свойство человека, создаёт новую реальность, которой до этого никогда не было. Примером этого феномена является исследование космического пространства, которое при отсутствии очевидных экономических эффектов финансируется за счёт частной инициативы предпринимателей, с детства грезивших космическими полетами. Они имеют средства для воплощения своей детской мечты. Существует «Breakthrough Starshot» – «исследовательская и инженерная программа стоимостью \$100 млн, целью которой является демонстрация концепции новой технологии, позволяющей осуществить полет сверхлегкого беспилотного космического аппарата со скоростью 20% от скорости света и заложить основу для полета к Альфе Центавра в течение одного поколения» [4]. Феномен фантазии материализуется в социальной практике. «В рамках инициативы Breakthrough Initiatives, Starshot был запущен Юрием Мильнером и Стивеном Хокингом в 2016 г. и финансируется фондом, основанным Юрием и Джулией Мильнер» [20].

Воплощённая фантазия является свидетельством социокультурной функции феномена фантазии. Фантазия участвует в сфере искусственного интеллекта и трансформации самой природы человека. Илон Маск, кроме исследования космоса, значительное внимание уделяет исследованию чипирования человека. Речь идёт о фактическом слиянии человека и машины, известном в фантастической литературе как киборгизация. Этот процесс приводит к «новому Большому Антропологическому переходу» [3]. Он связан с изменением природы человека, сравнимым с антропологическими переходами, приведшими к появлению языка, сознания и связанной с ними культуры. Новая форма антропологии может привести к созданию ветви эволюции, изменению человеческой биологии и, следовательно, изменению мышления человека, которое предсказал С. Лем в Сумме технологий.

Список литературы

1. Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Общетеоретические и логические проблемы виртуальных миров. – М., 2003.
2. Арто Антонен. Театр и его двойник. – СПб., 2000.
3. Буданов В.Г., Аршинов В.И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевого мышления: монография / В.Г. Буданов, В.И. Аршинов. Университетская книга, 2022. – 129 с.
4. Дмитриев А.С. Межзвездные перелеты: дорогу осилит идущий // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 5-й Международной конференции (3-4 февраля 2022 г., Москва). – М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2022. – С. 282-290.
5. Елисеев Г.А. Генераторы иллюзий // Журнал «Если». 2005. № 5. URL: <https://litlife.club/books/174375/read?page=54> (дата обращения: 23.08.2024).
6. Камин А.А. Ментальные образы и виртуальная реальность как образовательные конструкции и среда // Инновационный технологии в образовательной деятельности: материалы Всерос. научно-метод. конф. / Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Н.Новгород, 2021. – 257 с.
7. Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление / И.Т. Касавин // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 63-72.
8. Корсунцев И.Г. Современные технологии несут глобальную угрозу // Центр исследования платежных систем и расчетов. URL: http://www.paysyscenter.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=605
9. Лем С. Проблемы с фантоматикой // Лем С. Молох. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С.443.
10. Лем С. «Фантастика и футурология» // Фантастика и футурология. Книга 1 М.: АСТ, Хранитель, 2008 г. – С.592.
11. Лем С. Фантомология // Лем С. Сумма технологии. – М.: АСТ, 2002. – С. 302-365.
12. Лем С. Фиаско// Лем С. Первый контакт. – М.: АСТ Астрель, 2012. – С.703-989.
13. Лобанков Иван Дмитриевич Современные концепции виртуальной реальности // Вестник ПАГС. 2015. №1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-kontseptsii-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 24.08.2024).
14. Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. №10.
15. Родина В.А. Концепция коммуникаций Г.М. Маклюэна и современность // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kommunikatsiy-g-m-maklyuena-i-sovremennost> (дата обращения: 24.08.2024).
16. Солодкина Е.А. К определению понятия «Виртуальная реальность» // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-virtualnaya-realnost> (дата обращения: 23.08.2024).
17. ТАСС Наука // Информационное агентство ТАСС URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/21658489> (дата обращения: 08.09.2024)

18. Юхвид Алексей Владимирович Фантоматика Станислава Лема с точки зрения виртуологии // Научно-исследовательские исследования. 2019. №2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomatika-stanislava-lema-s-tochki-zreniya-virtuologii> (дата обращения: 05.09.2024).

19. Artaud Antonin. The Theater and its double. – New York, 1958.

20. Y. Milner. Breakthrough Starshot [Электронный ресурс] // Breakthrough Initiatives, “Breakthrough Starshot,” 2020, URL: <https://breakthroughinitiatives.org/initiative/3> (дата обращения: 15.12.2020)

«ЛИЧНОСТИ» НЕЙРОСЕТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ РАЗНЫХ МОДЕЛЕЙ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Мельников М.А.¹, Вейс О.А.¹

¹Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, кафедра философии, магистрант

Статья рассматривает применение ассоциативных рисуночных тестов для анализа генеративных нейросетей (Midjourney, Kandinsky, Шедеврум). Авторы проводят эксперимент по созданию «автопортрета» нейросетей с использованием этой методики, выявляя специфические черты и сравнивая их с гипотетической личностью нейросетей. Результаты исследования помогают формулировать требования к адаптивным интерфейсам для генеративных нейросетей, учитывая их потенциал и ограничения.

Искусственный интеллект, личность, нейросети, рисуночный тест.

Искусственный интеллект появился как новое научное направление в середине XX века. Сегодня наука и техника активно внедряют системы искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества. Исследования в области искусственного интеллекта объединяют результаты различных дисциплин, таких как нейрофизиология, математика, кибернетика, психология и философия.

В 1950 году английский математик Алан Тьюринг предложил тест, идея которого определить, может ли машина мыслить. Тест Тьюринга – эмпирический тест, идея которого была предложена Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум» (англ. Computing Machinery and Intelligence), опубликованной в 1950 году в философском журнале «Mind». Тьюринг задался целью определить, может ли машина мыслить.

Стандартное звучание закона: «Если компьютер может работать так, что человек не в состоянии определить, с кем он общается, – с другим человеком или с машиной, – считается, что он прошел тест Тьюринга».

Разумные, подобные человеку машины на протяжении многих десятилетий были одной из основных тем научно-фантастических произведений. С момента зарождения современной вычислительной техники